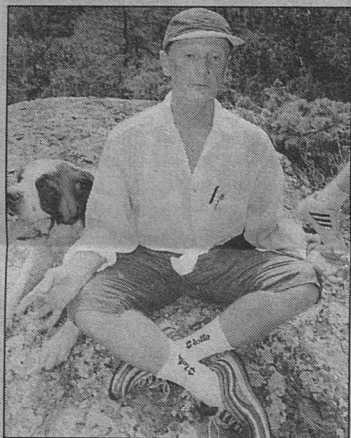

Эстрадные выступления Михаила Задорнова с некоторых пор затягиваются дольше обычного. Причиной тому зрители, подходящие за автографом, который просят поставить на его книге с интригующим названием «Вдруг откуда ни возьмись». За несколько месяцев книга выдержала четыре переиздания и, по мнению издателей и книжной торговли, имеет все шансы стать бестселлером. О новой книге, о времени, о жизни с автором беседует корреспондент «ВМ».

МИХАИЛ ЗАДОРНОВ:

Век. Москва, 2003. - 5 июня. - с. 11

ДЛЯ ВОЛЕЙБОЛА У МЕНЯ НЕ ХВАТАЛО РОСТА, ПРИШЛОСЬ СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ

Ольга ВАСИЛЕВСКАЯ

— Михаил Николаевич, ну наконец-то! Многие ваши коллеги по цеху успешно издаются, а Задорнова «на бумаге» мы увидели только сейчас. Далеко не все, между прочим, могут попасть на ваши концерты. Книга все-таки более доступна.

— Можно слово в свое оправдание?

— Слово предоставляется.

— Ну, во-первых, большую часть жизни я был автор эстрадных, а далеко не все то, что звучит с эстрады, адекватно воспринимается на бумаге. Даже у такого гениального автора, как Жванецкий, есть вещи, которые читать трудно, хотя когда их исполняют на публике, в зале, люди наслаждаются ими, как отменным бордо. Это я к тому, что составление сборника — особая и довольно сложная работа. Ну и, во-вторых, мне хотелось, чтобы книга была издана достойно — а здесь уже от автора мало зависит.

— Вы о своем печальном опыте или чужом?

— О своем. В начале девяностых, к моему глубокому сожалению, я принял несколько предложений от ряда издательств, что надолго отбило охоту издаваться вообще.

— Что же они такого натворили?

— Когда издатель «шлепает» книгу исключительно ради того, чтобы нажиться на известном имени, это всегда чувствуется. Когда за жалкую бро-

шюрку с несуразными картинками, выполненными в духе плохой карикатурности, заламывают непомерную цену, получается «нехорошая» книга, от которой отворачивается читатель и которая унижает автора.

— Новая книга вас не разочаровала?

— Потому что я сам выбрал издателя! Мне очень понравилось, как были изданы книги моего друга Лёни Филатова, и я принес в то же издательство свою рукопись. Эта книга знаменует очень большой и очень важный этап в моей жизни — здесь собрано многое, благодаря чему я стал известным. Но я не хотел, чтобы она стала таким кирпичом, монументом, — хотелось, чтобы ее было приятно взять в руки самым разным людям, чтобы чтение было процессом интересным, легким и приятным, чтобы книгу дочитали до последней страницы — и испытывали сожаление, что она кончилась.

— Вы конструировали книгу, словно... самолет? Вы ведь по образованию авиаинженер.

— Конструировал. Граждане пассажиры, узнайте, куда летим. Часть первая — «Умом Россию не понять». Проходим на посадку в «Девятый вагон» нашего самолета, где встречаемся с попутчиками: самыми популярными миниатюрами. Набираем высоту: «Великая страна с непредсказуемым прошлым». Произведения в хронологическом порядке: с 1977 по 1997-й. Высоко поднялись. Прямо к «Крохотным звездам» — это новые

впечатления, неопубликованные рассказы, которые автор скромно считает лучшими из всего написанного. Ну и наконец, радостно заходим на посадку, развлекаясь «Задоринками», то есть всякими забавными мелочами из постоянно пополняемой коллекции автора.

— Не так быстро, Михаил Николаевич. Что там такое «автор скромно считает...»?

— Это рассказы времен моей инженерной молодости. Лирические, прозрачные, честные. Известные лишь небольшому кругу близких друзей. Мне было приятно, когда Булат Окуджава сказал, что они написаны лучше, чем монологи для эстрадных выступлений.

— Ваши первые литературные опыты?

— Первый литературный опыт — повесть студента Задорнова на 264 страницах с прологом и эпилогом — был беспощадно отвергнут.

— Закосные редакторы зажимали талантливую молодежь?

— Их трудно упрекнуть в необъективности. А повесть столь же трудно назвать шедевром. Мой отец, известный писатель, при всей своей благожелательности отметил, что хороших страниц в ней от силы три.

— И вы с горя переключились на малые жанры?

— За это надо благодарить моих тренеров.

— Не поняла.

— В молодости я очень увлекался спортом, но когда оказалось, что

для волейбола у меня не хватает роста, а для ручного мяча — таланта, ударился в самодеятельность. Но хороших текстов для выступлений практически не было — пришлось писать самому. Затем стали обращаться профессиональные исполнители, я начал писать для них, а потом и сам вышел в исполнители-профессионалы. А лирические рассказы писал все это время для души, для себя, не думая, что когда-либо стану их читать большой аудитории или издавать.

— Вам так нравится литературный процесс?

— Когда пишу, я отдыхаю.

— А эстрадные выступления — это работа?

— Скажем так, сегодня это работа, которую я делаю для того, чтобы люди, особенно молодежь, которая больше склонна ходить на концерты, нежели читать, все-таки читали мои книги. Скоро выйдет еще одна, и планы этим не ограничиваются.

— Задорнов-артист служит пиарщиком Задорнову-писателю?

— Вы очень цинично и очень правильно говорите. Служит. Если уж пришла популярность, ее надо использовать в благих целях, а не только для того, чтобы телеканалы богатели, продавая рекламное время в юмористических передачах. На одном из телеканалов мне сказали: «Вы наш бренд». Я сначала оскорбился, а потом подумал и решил, что готов оставшуюся часть жизни прослужить брендом собственным книгам.

— С чего вдруг такая забота о молодежи?

— Молодые люди не знают правды о той стране, в которой живут, и тем более не знают истории страны, в которой жили их родители. Это очень плохо и очень опасно.

— Но можно спросить родителей, почитать прессу, есть учебники...

— Родители часто лгут своим детям. Я это точно знаю, сам такой. Пресса пишет то, за что ей платят. А нашу историю без конца переписывают — в соответствии с пожеланиями тех, кто сегодня у власти. Подлинная история страны пишется писателями-сатириками. Так было всегда. И эту историю переписать невозможно.

— И что должны понять прошедшие курс истории «от Задорнова»? Что такое страна, в которой мы живем?

— Огромная, великая страна, у которой «сбилась программа». Страна, которой Бог дал землю, чтобы жить на ней и честно работать, а мы устроили казино. Хотя в переносном, хоть в прямом смысле. Еду недавно на гастроли — степь, поля незасеянные, и вдруг одинокий сарай торчит. С вывеской «Казино».

— Давно «программа сбилась»? В девяносто первом? В семнадцатом?

— Гораздо раньше. Вспомните хотя бы петровские времена: «В Европу прорубить окно». Нормальные люди через окно не лезут — они проходят в дверь!

— И что же нам теперь делать? Как «отладить программу»?

— Смех! О любой проблеме можно говорить назидательно, что совершенно бессмысленно и бесполезно, а можно — с юмором. Когда человеку станет смешно, пусть даже потом станет страшно, он начнет думать, начнет меняться в лучшую сторону. В квантовой физике есть такой термин — когерентность фотонов. Один процент фотонов выстраивает остальные девяносто девять. Так же с людьми: если хотя бы один процент пустит энергию в нужном направлении, остальные начнут подстраиваться, и страна изменится изнутри. И я очень рад, что в какой-то степени мне это изменение спровоцировать удастся.

— Например?

— Например, одна юная особа благодаря мне открыла для себя Евгения Евтушенко. Другая неожиданно обнаружила, сколь космически глупы слова многих современных песен, и теперь слушает, читает и смотрит все осознанно, критически. Она и ее друзья стали регулярными поставщиками моей коллекции «задоринки». Человек придет на концерт просто посмеяться, а потом, поняв, что смеется над собой, ужаснется и, возможно, начнет изменять сам себя и окружающий мир.

— А если человеку только смешно, но не страшно?

— Тоже хорошо. Смех снимает агрессию. Насмеявшийся человек не кинется в драку, не обидит слабого. Почему американцы такие агрессивные — у них юмор есть, а чувства юмора нет.

— А у нас?

— Слава богу.

— На это вся надежда?

— Я не очень люблю слово «надежда», которое, на мой взгляд, не отражает действия — сидишь себе, надеешься, а надо действовать!

— А как же знаменитое «надежда умирает последней»?

— Не согласен. Последним умирает чувство юмора. Но нам это не грозит!